

Щедрый сентябрь

Фенологу часто бывает трудно. Ведь из года в год загораются осенние огни леса. Неизбежен отлёт птиц. Тепло сменяется холодом. Лазурное небо чередуется с хмурым свинцовым туч. С цветистой мозаикой садов контрастирует тускнеющая рыжеватость полей.

Всё повторяется. О чём же писать?

Но фенолог обязан замечать не только зависимость периодических явлений природы от климатических факторов. В наши дни, когда советский человек заставляет природу подчиниться ему, фенолог должен...

Впрочем, прочтите, как нынче, в этом удивительном сентябре 1964 года, фенологу пришлось писать совсем другие строки.

Он сошёл с автобуса, чтобы ещё и ещё раз вдохнуть аромат того времени, когда «цветы осенние милей прекрасных первенцев полей». Тут поневоле припомнилось: «в лесу неслышен, невесом слетает жёлтый лист», а по ассоциации вместо фронтового гармониста вдруг воскресли звуки духового оркестра в саду фабрики киноплёнки, игравшего старый русский вальс «Осенний сон». И в это время, среди придорожного пламени лесов, на фоне сбегающих к шоссе рош с Осуровских холмиков, стоял задумавшийся человек, внимательно смотревший в... пустоту.

— Посмотрите, — сказал мне человек, — летит паутина. Осень. Эх, собачку бы да ружьишко — и на Нерль, к Нилке. Вот где очей очарованье! Да стар стал...

Тут только фенолог взгляделся в собеседника: розовощёкий, чисто выбритый — он своей головой был похож на окрестные золотые берёзы, подёрнутые паутиной седины.

Между тем этот старый человек с молодой душой, не уставший за семь десятков лет любоваться знакомыми местами, вдохновенно прочитал строки об осени полузабытых поэтов и произнёс:

— Нынешняя осень самая удивительная из всех, которые я пережил. Знаете ли, какой урожай созрел? Неслыханное дело! По тысяче двести пудов картошки собирают! На наших-то землях?

Очень верно партия сделала, обратив особое внимание на село, и лучшие силы отдала сельскому хозяйству. С умом стали землёй заниматься.

Теперь в наших краях не один Голышев, а сотни! Дорога им широкая... Вот и урожай!

Признаться, фенологу очень не хотелось показать себя невеждой, но пришлось поинтересоваться: а кто такой Голышев?

— Русский самородок. Вот кто был Егор Карпыч Голышев из села Ивановского. Мудрейший мужичок!

В семье было у него шесть душ и земли по десятине на душу. Тянулся к науке. Вытянул. Соху и деревянную борону сменил на плуг. Землю удобрял, а и была-то одна лошадь да корова. Когда он в 1922 году снял 932 пуда картошки с десятины, [139,7 ц/га] 140 пудов овса [21 ц/га] да 110 ржи — все ахнули. [16,5 ц/га]

Так ведь он был один. Вроде белой вороны. Тетрадку вёл: записывал, сколько посеял, когда сколько снял. Вёл он её четверть века. До всего сам доходил.

...А верно, ведь был такой человек. И тетрадку вёл с 1897 по 1923 год, которая была опубликована в 1926 году в «Трудах Переславль-Залесского научно-просветительного общества».

Подумалось: щедрый нынче сентябрь, принёсший чудесные урожаи переславским полям, немало в них вложили ума и труда труженики полей. Нет, не перевелись на Переславщине самородки. Их стало обилие благодаря тому, что...

Впрочем, в заметках фенолога, пожалуй, несколько неуместно повторять то, что писала газета. И так всем ясно — почему.

А осенний день то хмурится, то вдруг прорежется лучами яркого солнца, освещая людей на полях. Людей, заставивших землю в этом щедром сентябре отплатить за заботу о ней.